

К Р О К О Д И Л

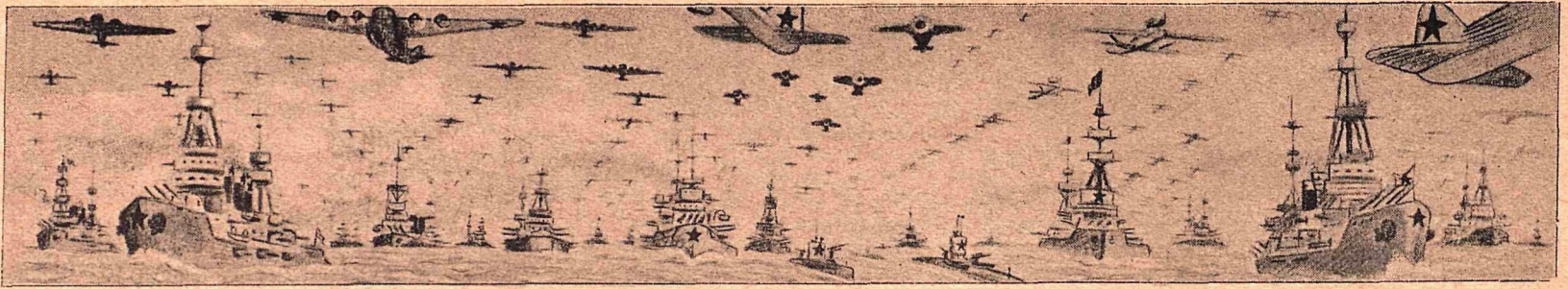
К 556 / 39г

ВОРОШИЛОВСКИЕ КИЛОГРАММЫ
(К сведению возможных потребителей)

Товар отпускается чистым весом в тару потребителя.

Рис. Г. Нисского

На советском горизонте небо сливается с морем.

Популярность погубила

ОДНАЖДЫ у председателя Козлобурьянского горсовета товарища Добрякова, катившего рано утром на работу в своей машине, занемела нога.

Председатель, морщась, потер ногу, постучал пяткой о днище кабины, но противное ощущение «бегающих мурашек» не проходило.

Тогда Добряков приказал шоферу Жоре остановить машину и, когда тот лихо затормозил, сказал с раздражением:

— Поезжай, скажи там, что я приду пешком. У меня нога затекла, надо размяться. А то совсем околотеет с этой вашей... заседательской суетней.

— Не беспокойтесь, Иван Потапыч, пройдите, сделайте зарядку, поскольку погода сегодня — высший сорт.

Светило солнце. Легкий ветерок трепал старые афиши на заборах областного центра. Обгоняя своего председателя, спешили на службу жители города Козлобурьянска. Некоторые безо всякой субординации даже толкали товарища Добрякова в спину и, не извиняясь, бежали дальше. А какая-то сердитая и очень резвая старуха — курьерша в больших сапогах — даже крикнула ему на бегу:

— Ишь, вышагивает, точно гусь. Вот опоздаешь на работу, перышки-то тебе опшилют.

«Не узнают!» — отечески улыбаясь, подумал товарищ Добряков и в ту же минуту услышал сзади себя обрывок разговора. Говорили двое:

— Надо бы сходить в горсовет.

— А кто у нас сейчас председателем?

— Кажется, Черепенников.

— Эка, хватились! Черепенникова давно сняли за бездеятельность.

— Не путайте. За бездеятельность сняли Бугрева, а Черепенникова сняли, кажется, за невнимание к бытовым мелочам.

На работу Добряков пришел расстроенный и злой и сейчас же вызвал к себе в кабинет управляющего делами Семена Семеновича, известного среди сотрудников Козлобурьянского горсовета своей мудростью и эрудицией.

— Вот мы все заседаем с вами, Семен Семенович, — издали начал председатель, — проживаем штаны, болеем душой. А население между тем нас не знает. Да-с, не знает. Сегодня самолично в этом убедился. Это, знаете, очень полезно иногда потолкаться, так сказать, инкогнито, среди прохожих.

— Гарун аль Рашид всегда так делал, — сказал начитанный управделами.

— Кто?

— Гарун аль Рашид, председатель горсовета города Багдада.

— Не знаю такого. Я в Средней Азии не работал. Так вот, Семен Семенович, надо что-то предпринимать. Население должно знать своих, так сказать, деятелей.

— На прессу надо нажать, — подумав, сказал управделами. — Кочетков совсем отбил от рук. Просишь, просишь, вспотеешь, пока напечатает в газете обязательное постановление. И вашу фамилию набирает петитом, такая свинья!

— На Кочеткова я нажму. Еще что можете редложить?

— С докладом выступите на отвлеченную какую-нибудь тему. Поразите избирателей своими культурными горизонтами. Не беспокойтесь, я тезисы вам набросаю.

— Еще?

— Когда пустим новую баню, присвоим ей ваше имя. Это тоже можно будет организовать.

— Насчет бани — это, пожалуй, идея, — сказал товарищ Добряков, — в баню все ходят. Идите, Семен Семенович, и действуйте.

Управделами удалился. Председатель снял трубку и позвонил редактору козлобурьянской газеты Кочеткову:

— Мне Кочеткова. Это ты? Здорово, Кочетков. Это Добряков говорит. Здравствуй. Звоню потому, что хочу тебя похвалить, товарищ Кочетков. Вчера прочитал очерк в газете про наш Козлобурьянск. Хороший очерк, здорово написан. Здорово, здорово написано! «Нескончаемым потоком по солнечным улицам Козлобурьянска мчатся новенькие такси». Правда, у нас не так уж много такси, всего три штуки, но это неважно. Автор, так сказать, дополняет картину художественным воображением, смотрит вперед. Я его понимаю. Кстати, ты у меня просил две комнаты для своих сотрудников, я, пожалуй, тебе могу подбросить. Не благодари: не за что. Ты вообще старайся,

Кочетков. Освещай в прессе жизнь нашего города. Я тебе сам буду давать материал. Записываюсь, так сказать, в рабкоры. Вот, например, в конце пятнадцатки я собираюсь навестить детские ясли. Можешь прислать фото-репортера?..

...Прошло время. Редактор Кочетков не подкачал. Фамилия Добрякова стала склоняться на страницах козлобурьянской газеты во всех падежах, от именительного до предложного включительно. Его важная физиономия то и дело мелькала на газетных снимках.

«Товарищ Добряков, председатель горсовета, наблюдает учение городской пожарной команды».

«В выходной день за городом. На снимке: удит рыбу товарищ Добряков, председатель горсовета».

«Пуск новой бани. Гигант гигиены назван именем товарища Добрякова».

Однажды упрям товарищ Добряков опять остановил свой «ЗИС» и вышел из машины, чтобы потолкаться среди народа, послушать людские толки. Путь его лежал мимо новой бани.

Не успел Добряков поровняться с мраморным фасадом гиганта гигиены, как услышал сзади себя тихий разговор:

— Смотри, никак, Добряков идет, председатель горсовета.

— Который? Вот этот носастый? Верно, похож.

Говорившие с шайками и венниками подмышкой бесцеремонно подошли к председателю, и один из них, в кепочке блинком, сказал:

— Любуешься на свою баньку, товарищ Добряков?

— А что? Неплохая банька.

— Неплохая-то неплохая, да только день течет горячая, а три — нет. Ты бы, чем в выходной рыбу ловить, взял бы да и проверил, как твоя банька работает, а то ведь срам один: баню новую построили, а мыться обратно негде.

— Да заодно съезди бы посмотреть, какие у нас в заводском поселке мостовые, — подхватил второй житель. — Оно, конечно, смотреть, как пожарники по крышам лазают, интереснее, пожалуй, но раз ты назвался груздем, полезай, брат, в кузов.

— Мы на заводе собрание соберем и тебя вызовем на отчет, — продолжал первый, — и уж не взыщи, протрем с песочком.

Семен Семенович, мудрый управделами, зайдя в кабинет Добрякова, был поражен скучным и тревожным выражением председателя лица.

— Я набросал тезисы для вашего доклада, — почтительно сообщил управделами. — Вот здесь цитаты из классиков.

— К чорту классиков! — сказал Добряков. — Ох, и влипли мы с вами, Семен Семенович! Другой доклад придется делать. И я уж не знаю, может, ваш знакомый, багдадский председатель, как его там фамилия, и вывернулся бы, а мне крышка! Чует сердце: крышка! Популярность погубила...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Летнее

Пыль на улицах так клубится
И такой нестерпимый зной,
Что завидуешь каждой птице,
Пролетающей над Москвой...
Дни июля имеют свойство
Наделять даже грузных дам
Непоседливым беспокойством
И любовью к лесным местам.
Как крутые, отвесные горы,
Несмотря на близость грозы,
Покидают машины город
И теряют в пути тазы.
Нагружают наснех в карманы
Отъезжающей детворе
Булки сладные и бананы
Мама грустные на заре.
Раскупаются чемоданы
В магазинах за полчаса,
Снятся девушкам капитаны,
Кипарисы и паруса...
Я и сам, признаться, тоскую.
Лишь усну — и вижу во сне
Белорусскую хату лесную,
Челноки на Березине.
И, мечтая о тихих дубравах,
Вспоминая любимый маршрут,
Бормочу я:

— Уходят составы,
А меня с собой не берут.

А. КУПЕРШТОК

Рис. Кукрыниксы

Не столь высокий, сколь крепкий дух самураев.

Рис. М Черемных

— Кто же устраивает фейерверк утром?
 — Ничего не поделаешь: вечер у нас занят детским утренником.

О пользе еды во время езды

(Дорожные заметки)

*«Мной овладело беспокойство,
 Охота в перемене мест.
 Весьма мучительное свойство
 Для тех, кто ежедневно ест.»*

(Малоизвестный вариант)

Поезд стоит около перрона. Проводник стоит около вагона. Мы стоим около проводника.

— Когда будем в Киеве?

— Завтра... в три...

Ура! Как скоро! Всего лишь восемнадцать часов — и мы в Киеве, в чудесном городе зелени, воды и многого другого...

*«Один храпел, поспать он умел,
 был у него грешок.
 Другой молчал, головой качал и
 крепко держал мешок.»*

(Из старинной баллады)

У нас странные соседи: один сразу залег у себя на верхней полке, другой пока настороженно молчит, прижимая к груди туго наби-

тую кошолку, из которой торчит чей-то копченый хвост. Судя по размерам, там молодая акула.

Да, кстати, о копченостях!

— Проводник!

— В чем дело?

— С какой стороны вагон-ресторан?

— Не имеется.

— Ну, буфет?

— Не имеется.

— Так дайте хоть бутербродов!

— Не имеется.

— Позвольте, что же тогда имеется?

— Имеется вода «березовка»...

Гм! Однако ехать все-таки придется восем-

надцать часов... Грустно!

«Тужили два товарища в одном и том купе.»

(Популярная песня)

Сосед почал свою акулу. Как вкусно пахнет, чорт подери! Интересно, что там еще у него

в кошолке? Станция Нара через полчаса. Ну ничего, потерпим! Потерпели!

Ничего не поделаешь: есть на свете принципы, которые выше грубых, материальных запросов. Надо уважать старость даже в колбасе. Мы оказались куда моложе самого юного из станционных бутербродов. Кроме того их было всего 7 штук на двенадцать вагонов. Поезд стоит в Наре 10 минут. Для чего?

Увы! Еще много часов до Киева, этого чудесного города зелени... Кстати, хорошо бы сейчас хоть немного зелени!..

«Пристанционные буфеты...

Плывут закаты и рассветы...

— Котлету мне!

— Котлеты нету...

— Лангету мне!

— Лангету нету...

— Конфету! — Эту?

Этой нету!...

— Позвольте, как же — вот она!

— Она для выставки нужна.

(Стихи)

Самодовольный тип, обсосав акулу, принялся за курицу. Чтоб ему подавиться! Тогда почти целая дичина останется нам. До следующей станции полтора часа. Мы гадаем, что ждет нас в Малоярославце.

Не угадали! Зато, если мы захотим посвятить свою жизнь мухам и водке, изредка позволяя себе чахлый пончик, мы знаем, где это будет.

Поезд стоит 10 минут. К чему?

Как далеко еще до Киева, этого чудесного города зелени, воды... Воды... Только не «березовки»! Нет!

*«Солнце, воздух и вода —
Наша лучшая еда».*

(Вагонная поговорка)

Какая скверная привычка — есть перед сном: теперь просто невозможно уснуть без этого! Обессиленные, мы уже не выходим на ночных остановках. Некоторые простаки всю ночь дежурят в тамбуре, подбодряя себя рассказами о следующих станциях. Однако следующие — не лучше предыдущих.

В соседнем купе едет пассажир, которому мы завидуем даже больше чем нашему плотоядному соседу. Этому пассажира кормят всю дорогу. Его кормят грудью. Умеют устраниваться некоторые люди.

Боже мой, когда же, наконец, будет Киев!

«В каком-то котлетном Конотопе».
(Романс)

Весь вагон, за исключением двух наших соседей, сытого и спящего, оживленно обсуждает, сколько времени может прожить человек без еды. Некоторые не без основания утверждают, что они больше не могут. Мягкий вагон, яркое солнце, голодное утро на коврах под зеркалами. Между прочим, если бы Петрарку не кормить так около декады, не Лауре посвящал бы он сонеты. При чем тут Лаура, когда есть на свете дивное, пусть холодное, но сказочно прелестное существо под хреном?!

Следующая станция — Конотоп. Провинция — чего от нее ждать!

Но...

Сначала всем кажется, что пришло время голодных галлюцинаций. На светлом просторном перроне, между столиками, накрытыми белоснежными скатертями, снуют приветливые официантки. А на столах...

Ой, действительно, какао! Как забываемы котлеты на свежем воздухе с таким же свежим белым хлебом! Как вежливы и подвижны официантки! Как все рады, как все вкусно! Какая-то девушка не успела занять место. Но ее успокаивают: успеют поесть и вторая и третья смены. Садитесь, дорогие!

Милый, милый Конотоп! Спасибо тебе за все! Теперь уже можно смело ехать до самого Киева, этого чудесного города.

* * *

Были станции и после Конотопа. Но о них как-то не хочется вспоминать. И не потому, что мы были сыты, и даже не потому, что в Нежине не было нежинских огурцов, а в Бахмаче вообще ничего не было. Хочется говорить только о Конотопе, единственном месте на всем пути, где сумели понять, что пассажиры — тоже люди, что им надо не только ехать, но также есть и пить. Насколько вам известно, скромный Конотоп никогда не считался мощным какаопроизводящим центром. И котлеты там, как говорится, тоже не растут. Значит, все это могло быть и в других местах. Мало того: должно было быть! Это почти так же необходимо, как вагон-ресторан, в крайнем случае, буфет в поезде, идущем 18 часов.

На одной воде «березовке» далеко не уедешь. Ведь пассажирский поезд — это, в сущности, целое селение, и не такое уж маленькое. Попробовал бы кто-нибудь у нас оставить целое селение почти на сутки без всякой еды!

И тут хочется предложить для широкого распространения проверенный лозунг: «Равняйтесь на Конотоп!»

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Скорый Москва — Киев № 5.

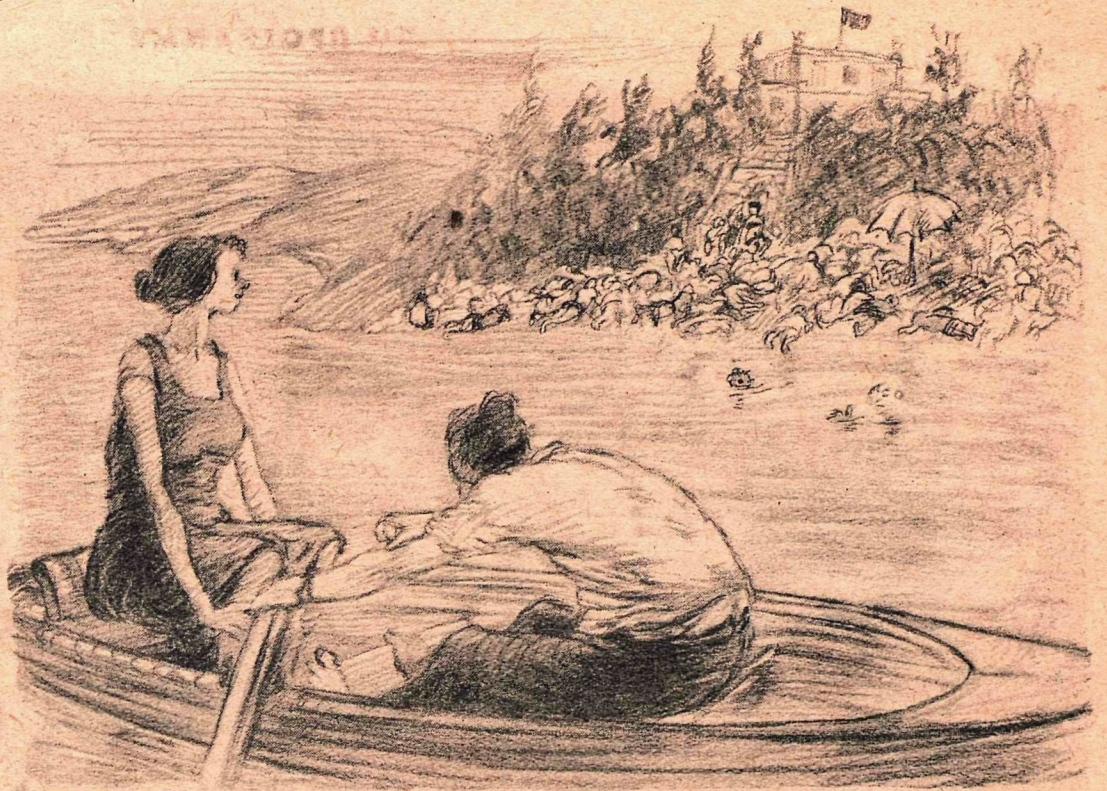

Рис. Д. Дубинского

- В вашем доме отдыха много отдыхающих?
- Ни одного человека.
- Почему?
- В нем слишком много народу.

Доска приказов

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 29

по Арчединскому отделению паровозного хозяйства Сттр. ж. д.

В связи с постигнувшей смертью 9/IV-39 г. рабочего склада топлива Ермилова с 9/IV-39 года считать уволенным по собственному желанию.

ТН-2 ДМИТРИЕНКО

ПРИКАЗ № 112

по Таналякской МТС Н.-Орского р-на, Чкаловской области.

Не смотря на неоднократную проработку постановления СНК и ЦК ВКП(б) ВЦСПС, от 28/XII 38 г. о мероприятиях, и упорядочения трудовой дисциплины, все же шофер Новаженин Л. неучел данной важности, тов. Новаженин сделал 9 прогулов. Это объясняется тем, что тов. Новаженин противоречит постановлению СНК и ЦК ВКП(б) ВЦСПС. Приказываю: Новаженина с работы снять, как прогульщика.

Директор НАЗАРТИН.

ПРИКАЗ № 28

по Авторемонтному заводу имени Кирова г. Могилев

§ 1

Слесаря т. Савицкого, П. В. за злостное и преждевременное невыполнение распоряжения нач. цеха одевать отличительный знак дежурного слесаря и категорический отказ выполнить приказ, направленный на повышение труд-дисциплины, с завода уволить с 25/III, с. г., как дезорганизатора трудовой дисциплины.

§ 2

Шорника Буденко за злостное и преждевременное невыполнение распоряжения нач. цеха одевать отличительный знак дежурного шорника и направленный на срыв труд-дисциплины с завода уволить как нарушителя и дезорганизатора труд-дисциплины.

Нач. цеха № 6 Н. П. ГЕРДИ

Примечание Крокодила.

Просьба к читателям не тревожиться: приказом № 29 товарищи Савицкий и Буденко были восстановлены с оплатой за вынужденный прогул. На наших страницах этот приказ воспроизведен исключительно за красоту стиля, а также ввиду богатства самой идеи — создать отличительные знаки для дежурного шорника и слесаря.

Рис. А. Каневского

— Почему столько людей один мешок зерна несут?
— Несет один. Остальные затыкают дыры.

Дармоеды

В КАБИНЕТЕ директора ресторана стоит Иван Дудкин и теплым, задушевым голосом морочит директору голову:

— А отец мой, Егор Фомич,— может, вы про его даже слышали,— двадцать три года служил в поварях у Тестова. А брат мой, Герасим,— тот все у «Яра». Потом он, значит, пошел по французской кухне и орудовал все по этой части. У их я и обучился всему поварскому делу. Ну, конечно, как оно говорится, повар есть центральная фигура питания, но если, товарищ директор, подойти к этому с критикой, то нету мне размаха. Хотится и ишь фештон сготовить, и блеманже, и соуса с лепестками, а тут тебе нажимают со всех сторон кнопку: это нельзя, да это нельзя, да к тому не касайся...

Иван Дудкин работает поваром только четыре года, но уже переменял восемнадцать мест. Восемнадцать заведующих ресторанами и столовыми, где служил Дудкин, будут помнить его до гробовой доски. О кушаньях, приготовленных этим человеком, посетители писали в жалобных книгах страшное. Например:

«...В беф строганов мною обнаружены рыбий глаз и ремень из сандалия...»

Восемнадцать раз увольняли Дудкина «за халатность», «за несоответствие» и прочее, но это ему как с гуся вода. Вот он пришел к девятнадцатому директору и теплым, грустным голосом рассказывает о своем отце, о брате Герасиме, о соусах с лепестками... А отец его никогда поваром не был, и брат Герасим — тоже не повар, а штукатур, но голос Дудкина звучит так задушевно, и лицо у него такое открытое, симпатичное, что директор зовет профорга и своего помощника, просит их

«оформить прием, запросить труд книжку» и т. д.

Услышав о труд книжке, Дудкин заскучал: идя к девятнадцатому директору, он начисто позабыл о неудобной этой книжке.

Через три дня Дудкин, хотя трудовая его книжка еще не прибыла к месту последней работы, явственно ощутил, что жизнь осложняется. Официант Кильдюхин сказал ему, что утром в ресторан приходил какой-то гражданин с портфелем, любопытствовал, как Дудкина зовут, и какое у него отчество, и когда он приступил к работе...

— Что-то он о тебе все в таком направлении спрашивал, будто ты алименты не платишь.

Мало ли кто там ходит с портфелями, но Дудкина вдруг потянуло в деревню. Там у него папаня, маманя, жена Настасья, и жизнь там проще, яснее нежели в городе.

И вот Иван Дудкин дома, в родном селе Большие туи.

На столе, кроме купленной водки, стоят бутылки со «сливками», то есть со смесью коньяка, шампанского, вин, наливки — всего, что только остается в ресторане от посетителей и что потом официанты сливают в одну посуду.

За столом сидят папаня Егор Фомич, жена Дудкина Настасья, шурик Погожев и сам Иван Дудкин.

Выпитые «сливки» уже лишили шурика Погожева дара мыслить. Он устремил изумленный взор в простенок и время от времени жалобно мычит. Папаня, плешивый, но еще очень крепкий мужчина, почти трезв. Всякий раз, выпив «сливок», он озадаченно мо-

тает головой, потом с недоумением смотрит на бутылки, привезенные сыном.

— Я, папань,— говорит Дудкин-сын,— я так себе располагаю: поживу тут у вас годик — два, войду в курс. Может, кооператив в свои руки возьму, может, другое какое руководство.

— Оно так,— вздыхает папаня,— да закон уж больно не ко время вышел. Вот теперь бы в самый раз втору усадьбу нам требовать. Дескать, ты вернулся, живем на две семьи, согласия промеж нами нет, давайте нам втору усадьбу. Каки бы парники завели! И черну смородину. Вот бы и пять тыщ рублей.

Дудкин-сын налил чарки, сказал:

— Ко всякому закону, папань, надо подойти юридически. Подойдешь к нему юридически — и всякий закон тебе улыбается Ты, папань, меня слушай.

Жена Настасья тоже выпила чарку «сливок» и вся раскраснелась.

— И верно, Вань, говоришь,— произнесла она певуче.— Вон Куроедовым два года втору усадьбу не давали: дескать, раз отец с сыном в одной избе живут, стало-ть, у них одно хозяйство и на втору усадьбу правов не имеют. А они что? Выпили, взяли по хорошей жерди, подошли к избе председателя и стали друг дружку по головам жердями бить. Дескать, гляди, председатель, каки мы друг дружке враги, кака промеж нас злоба, а ты нам втору усадьбу не даешь. Ночь была, председатель-то выскочил, глядит, а они друг дружку чуть не до убийства, с голов аж хруст идет. Ну, испугался председатель-то, унимает их: «Я,— говорит,— сейчас сам вижу, что хоть в одной избе живете, а до убийства у вас близко. Сам буду требовать вам втору усадьбу». Вот как умны-то люди делают.

Экскурсовод: — Граждане, обратите внимание! Это ливанский кедр. Ему пятьсот лет. Если бы он мог говорить, он рассказал бы нам о завоевании Крыма Потемкиным, он сказал бы нам...

Экскурсант: — Прежде всего он сказал бы, что он не ливанский кедр, а обыкновенный дуб.

Куредовы, как и папаня, вступили в колхоз только два года назад. Они, как и папаня, очень редко выходят на колхозную работу, но живут так, что папаню зависть гложет.

— На язык-то ты больно шуэтра,— с досадой сказал он снохе,— а интереса свою не понимаешь. Хоть бы когда-нибудь с кочерыжкой, что ли, на меня при народе накинулась, обругала бы каким нехорошим словом, чтобы люди думали, будто промеж нас злоба. А то сидит, как богородица: «папаня» да «папаня»! А каки бы парники завели и черну смордину!

С досады он выпил чайный стакан «сливок». Дудкин-сын подумал и спотыкающимся голосом сказал:

— Пять тыщ — деньги. За пять тыщ и палкой по голове тебя, папаня, ударить могу. Раз в интересе дела, то могу.

Вечерело, когда папаня, побагровевший от «сливок» и уже неуверенно шагавший по избе, увидел в окошко секретаря сельсовета Кудимова и бригадира Тарасова. Они повстречались недалеко от папаниной избы и о чем-то разговаривали.

— Давай делать шкандал,— просипел папаня.— А завтра пойдем требовать усадьбу.

Но Дудкин-сын, одурев от «сливок», уже не помнил и не понимал ничего: сидел, свесив голову на подоконник.

Папаня взял бутылку, помахал ею и вдруг бросил ее к ногам шуэтра с такой силой, что у того задвигалась на лбу кожа и на лице показались осмысленное выражение.

Топнув о землю ногой и оттого едва не свалившись, папаня закричал:

— Вон из мово дома, собачья дочь! Вон! И ты вон, собачий сын!..

Сноха, сообразившая, в чем дело, торопливо завопила страшным альтом:

— Старый боров! Сволочь!

К окнам быстро подошли Кудимов и брига-

дир Тарасов. Они видели, как Дудкин-отец, подняв с пола какую-то большую сочную тряпицу, целился ею в сноху. Он целился долго, и со стороны казалось, что он танцует с этой тряпицей. Наконец, бросил ее в сноху, но попал прямо в лицо Дудкина-сына. Тот продолжительно оттирал глаза, затем поднялся, пошел, качаясь, к папане и изумленно спросил:

— Ты?.. Меня?..

И, верно, хотел взять папаню за бороду, но ошибся и влез пальцами ему глубоко в рот. Дудкин-отец сильно испугался и ударил по пальцам Дудкина-сына зубами. Сын тоненько взвизгнул, обнял папаню, прижал его к стене и минуты две водил губами по лбу, усам, бороде папаня, словно целуя его. Но вот папаня неистово крикнул, Дудкин-сын упал на пол, и Кудимов и Тарасов увидели, что у Дудкина-отца ухо в крови.

Они поспешно вошли в избу, но Дудкин-сын уже спал.

— Втору бы усадьбу исхлопотать! — бормотал папаня, когда Кудимов и Тарасов обвязывали ему полотенцем ухо, все лицо.— А то еще зарежет, собачий сын. Кабы втору усадьбу...

— Это ты брось,— негромко сказал Кудимов.— И не думай и не занкайся. Дураков нет. Вот послезавтра с обмером к тебе придем. Говорят, у тебя маленький лишок есть.

Папаня долго не мог уснуть в ту ночь. Вглядываясь во тьму, скорбно звал:

— Вань!

Но справа и слева слышались только храпы.

— Ва-аньк! — громче говорил папаня.— Дураком ты осатанелый.

Светало. Папаня всхлипнул:

— Ваньк! Дурак!..

Дудкин-сын храпел.

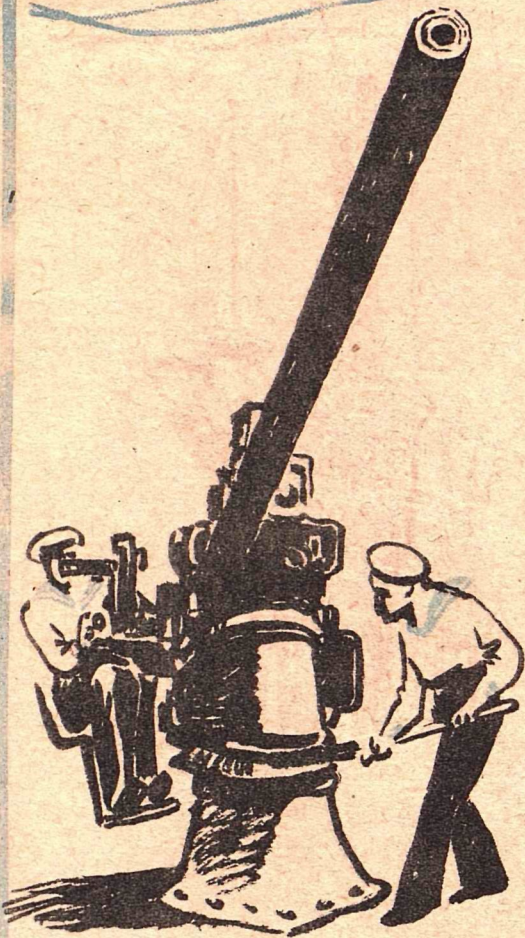
Кот

Солнце таяло вдали,
Глебка с мамой в гости шли.
Вдруг неожиданно из ворот
Вышел невысокий кот.
Потянулся сладко он,
Посмотрел на небосклон,
Промурлыкал: «Хор-рошо»,—
И дорогу перешел.
Мама громко, во всю мочь
Закричала: — Кошка, прочь!
Кот поморщился немножко:
«Дескать, кот я, а не кошка»,—
А потом плечом пожал
И спокойно побежал.
И сказала мама: — Это
Очень страшная примета,
Если кошка или кот
Вдруг дорогу перейдет.
Надо лучше возвратиться,
Может что-нибудь случиться.
Глебка фыркнул лишь: — Ну да!
И добавил: — Ерунда.
Ни за что, имей в виду,
Я обратно не пойду.
Это, знаешь, слишком много —
Уступать коту дорогу.
Если кот перебегает
Путь при нашем приближеньи,—
Это значит, кот не знает
Правил уличного движенья.

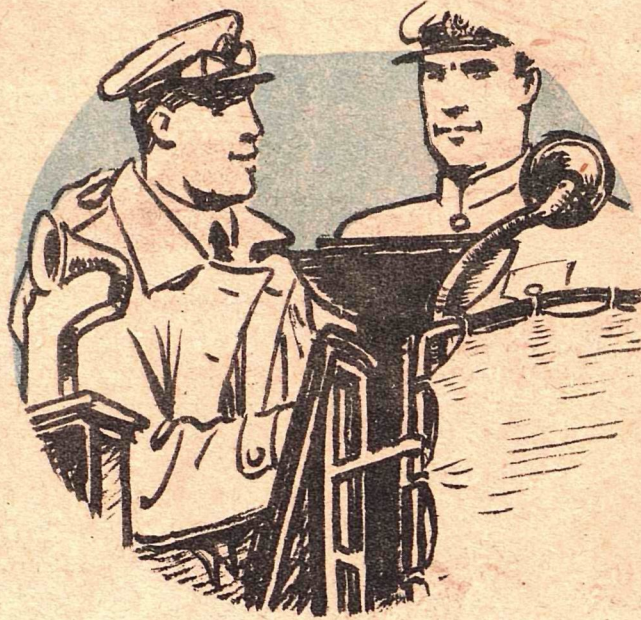
Ал. КОЛОСОВ

Г. ПОМЕРАНЦЕВ.

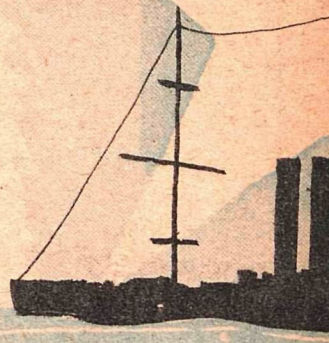
По морям,

Граница на замке. Замок в полной исправности.

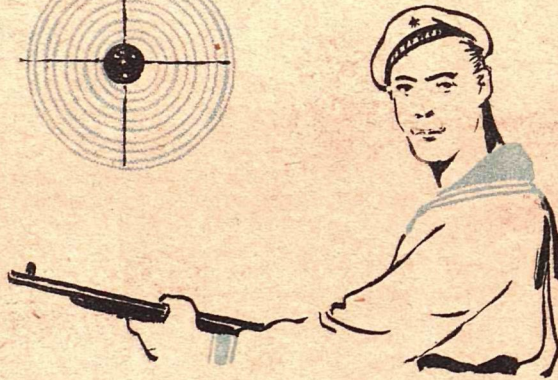
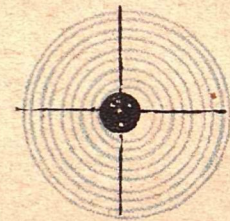
НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ
— Противник от нас не отстанет ни на шаг; как только наша лодка уйдет под воду, сейчас же и неприятельский крейсер станет подводным.

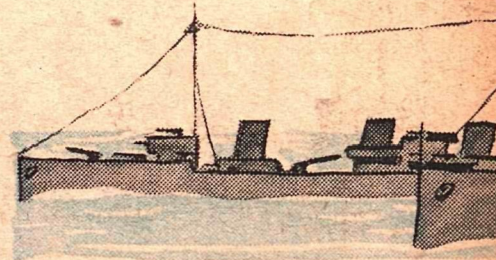
Сиянием утренним в
У древних Авророю
И крейсер „Аврора“
Зарю коммунизма о

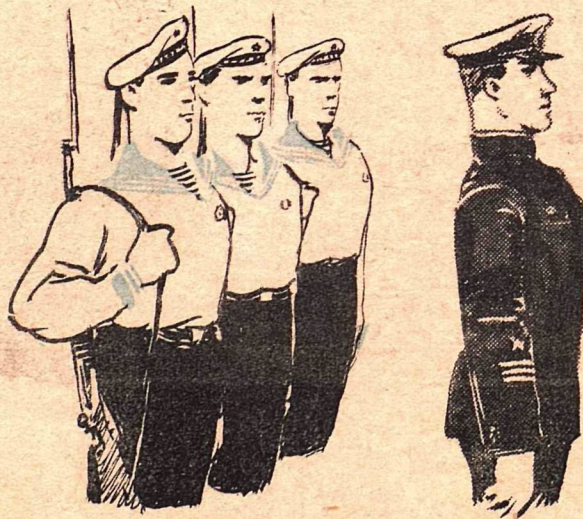
— Эх, яблочко!..

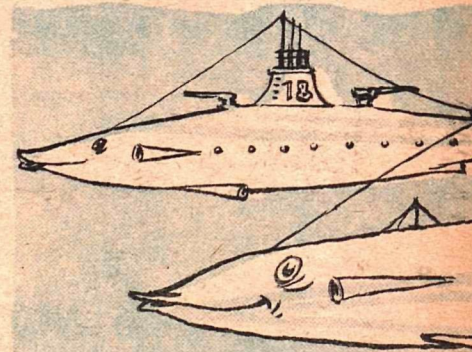
— Пять в яблочко!

— Мы из Кронштадта!
(1919 г.)

— Мы из Кронштадта
(1939 г.)

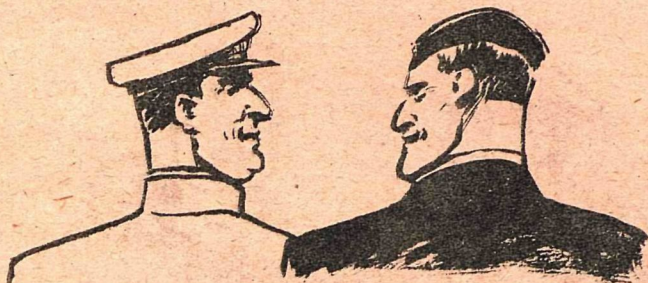

по волнам...

АВРОРА

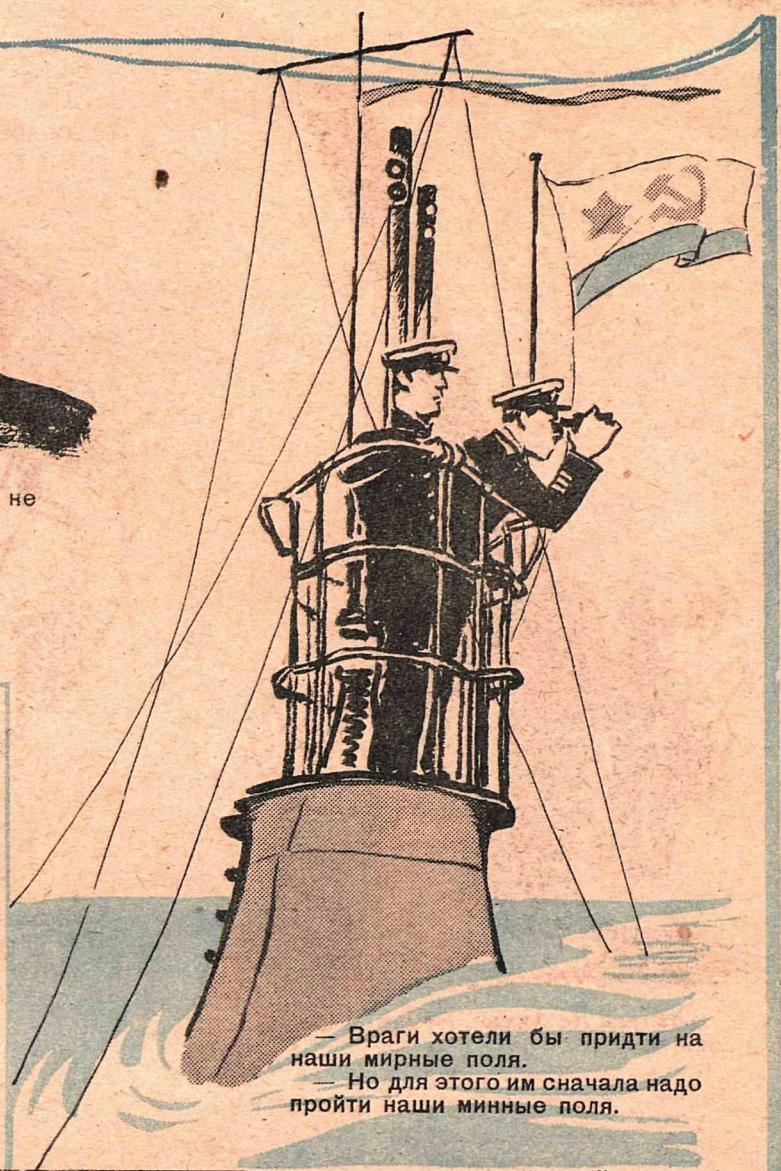
в небе горя,
звалась заря.
варей у нас был:
и нам возвестил!

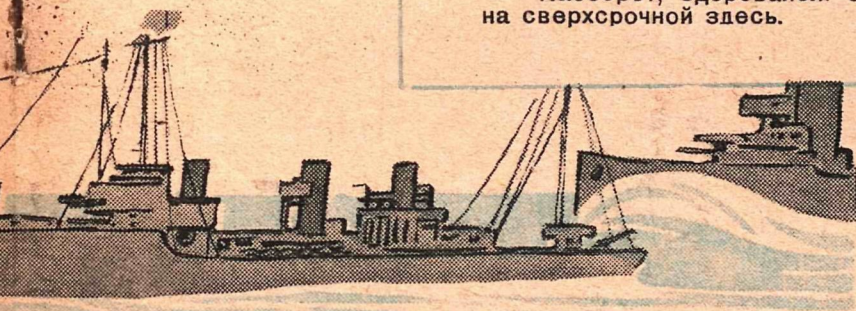
— У нас во флоте часто с временем не считаются.
— Как это так?
— Приходят до срока, а уходят после!

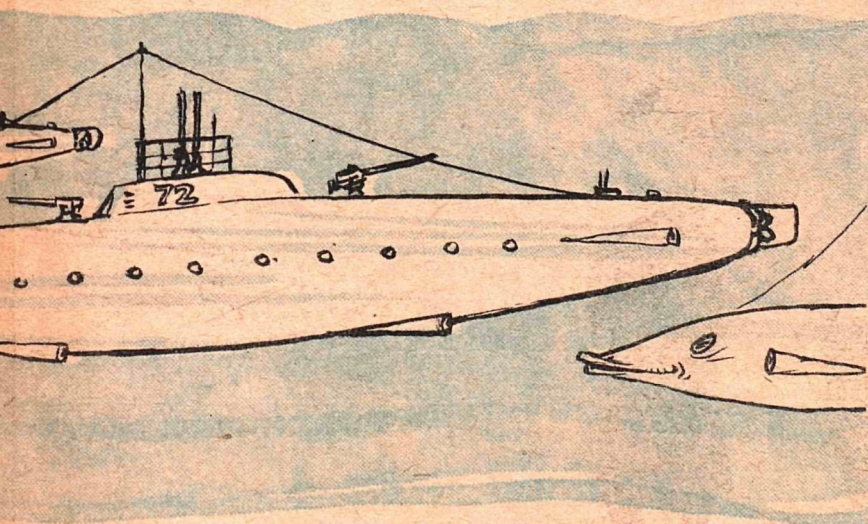
— Идя во флот, ты прощался с братьями?
— Наоборот, здоровался: они все на сверхсрочной здесь.

— Враги хотели бы придти на наши мирные поля.
— Но для этого им сначала надо пройти наши минные поля.

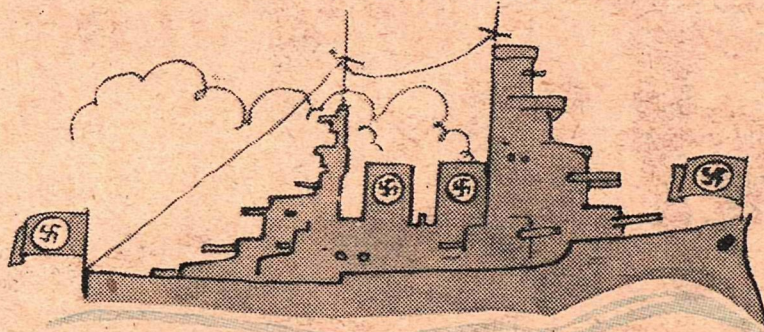

И те...

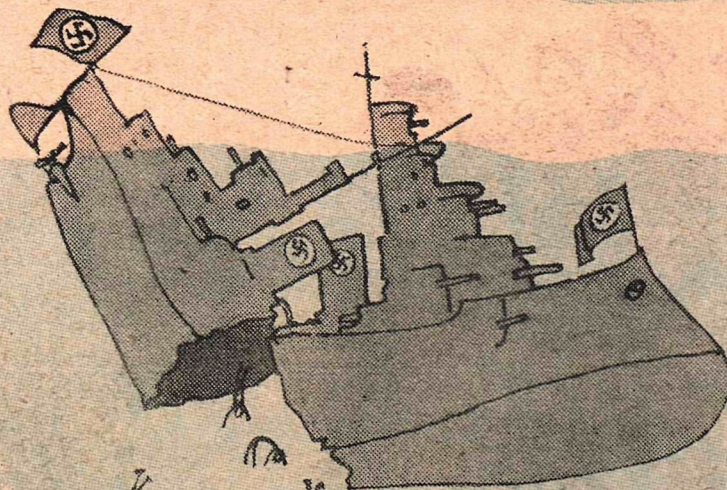

...и те —
НА ВЫСОТЕ.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА..

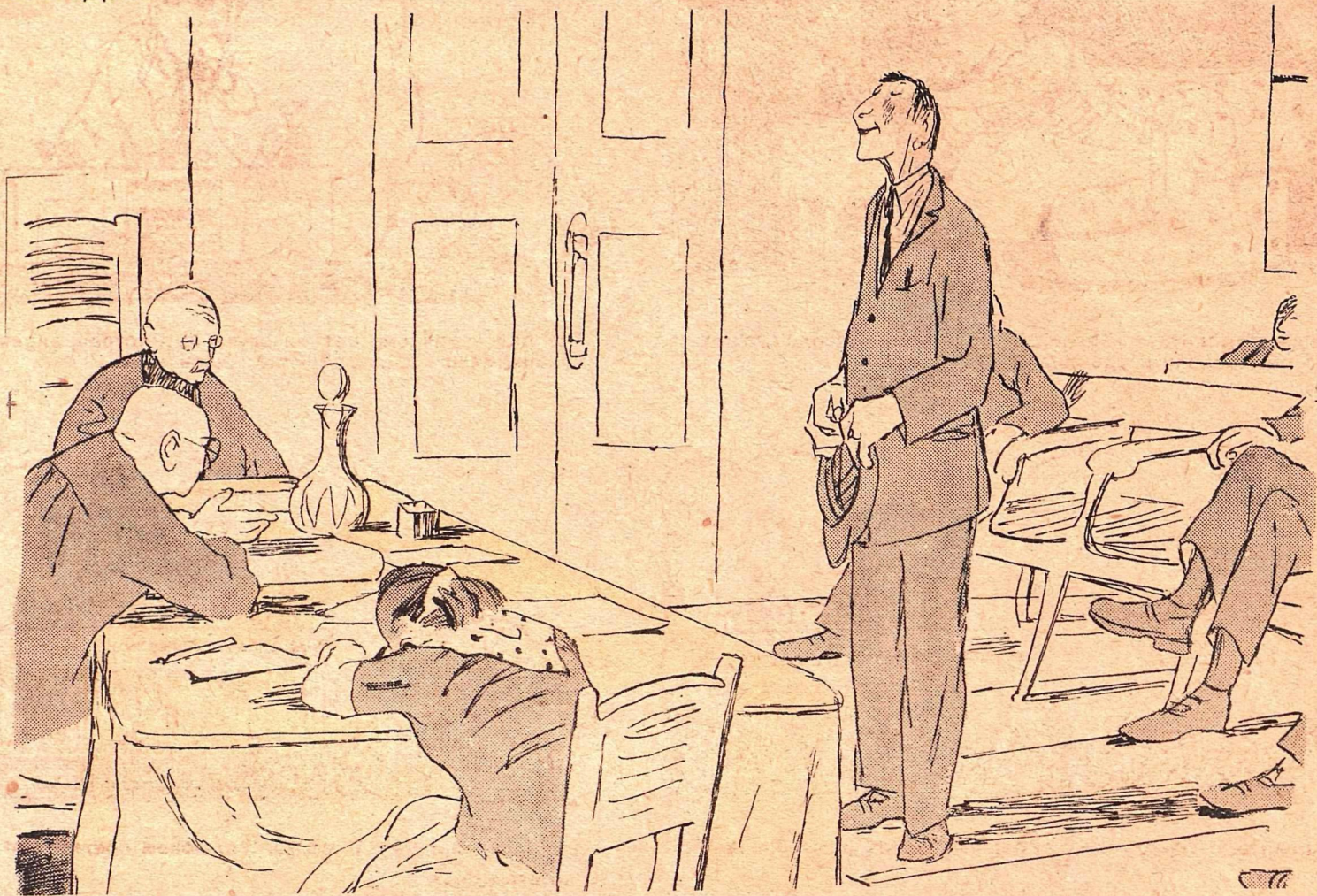

Нынче здесь...

А завтра там

Рис. Л. Сойфертиса

— Зачем вы оклеветали честного человека?
 — Откуда я знал, что он честный? Ведь я его впервые здесь увидел.

Жилищное дело

КАК делаются баранки?

Старые, опытные деятели хлебопекарной промышленности дают на этот вопрос следующий научно-популярный ответ:

— Берется дырка любых размеров, окружается тестом и кладется в горячую печь. По прошествии некоторого времени из печи вынимается готовый баранок. Причем цену баранка определяет не количество теста, а размеры дырки...

— А как пекутся жилищные дела?

Приблизительно по тому же рецепту, что и баранки.

Берется жилплощадь любых размеров, вплоть до какой-нибудь запущенной дыры, окружается бумажками, резолюциями и прочими канцелярскими принадлежностями и кладется в накаленную атмосферу жилищного отдела. По прошествии некоторого (?!) времени вы получаете вполне готовое жилищное дело. А чтобы раскусить этот свежеспеченный «баранок», нужны весьма крепкие зубы и крепкие нервы.

Вся беда в том, что возле каждого жилищного дела, даже самого маленького и ничтожного, вырастают огромные копны мусора. Тут вы найдете и обрезки бездушия и равнодушия, и кусочки бюрократической колючей проволоки (или, ласкательно, проволоочки), и много бумажек, бумажек, бумажек с косыми разноцветными резолюциями.

А в общем значительное количество так называемых жилищных дел — это бессовестная игра на нервах.

Приведем лишь один пример.

Инженер М. Д. Семенко после долгих поисков нашел комнату. В Москве, на Котельнической набережной. У застройщицы. Догово-

рился. Внес аванс. Переехал в комнату с женой и ребенком. Прожил несколько месяцев в этой комнате.

Но вдруг уважаемая застройщица «раздумала». Думала, думала и раздумала.

Она просит Семенко немедленно освободить комнату. В этой комнате она поселит своих родственников...

Как известно, родственниками у частных застройщиков являются все те граждане и гражданки, которые больше платят. Если бы Семенко пожелал внести в карман застройщицы еще две — три тысячи, он незамедлительно стал бы ее племянником или, в крайнем случае, двоюродным братом.

Семенко не пытался стать ни дядей, ни племянником, ни двоюродным братом этой особы. Особа подала в суд.

Началась длинная и скучная судебная канитель, когда целыми месяцами сердца людей жгут глаголами — подтвердить, утвердить, отменить, отказать, рассмотреть.

Семенко, устав от судебных глаголов, пошел в Пролетарский райсовет, в районный жилищный отдел. Там его успокоили:

— Не беспокойтесь. Так или иначе, но комната будет за вами.

Он, конечно, поверил. Ну как не верить? Ведь это обещание ему дал не кто иной, как сам председатель райсовета Алексеев, человек уважаемый в районе и за его пределами.

Кончилось дело тем, что спорная комната перешла в распоряжение райсовета. Семенко рад. Семенко весел. Раз сам Алексеев обещал...

И, действительно, председатель райсовета оказался хозяином своего слова. На заявлении Семенко была положена резолюция:

«Тов. Швырковой (зав. жил. управлением). Оформите это дело с оставлением тов. Семенко на этой площади.

Алексеев».

Тут же Семенко получает и записку из жилищного управления приблизительно такого содержания:

«Не возражаем. Комната за вами. Будьте здоровы и живите богато...»

Семенко рад. Семенко весел.

Он идет в райсовет оформить свою радость.

Но оказывается, что Алексеев — хотя и хозяин своего слова, но только временный хозяин.

Он, как и застройщица, думал, думал и раздумал.

Семенко получает отказ. И комнату Семенко уже приходит по-хозяйски осматривать жена шофера из райсовета...

Семенко идет в Моссовет. Заместитель председателя Моссовета тов. Майоров пишет Алексееву:

«Закрепить комнату за тов. Семенко в соответствии данного вами согласия».

Но Алексеев не соглашается:

— Пусть президиум Моссовета вынесет решение о том, что я должен сдержать свое слово.

Семенко идет опять к Майорову.

— Дело пустяковое, и президиум им заниматься не будет...

У Виктора Гюго в одном месте сказано:

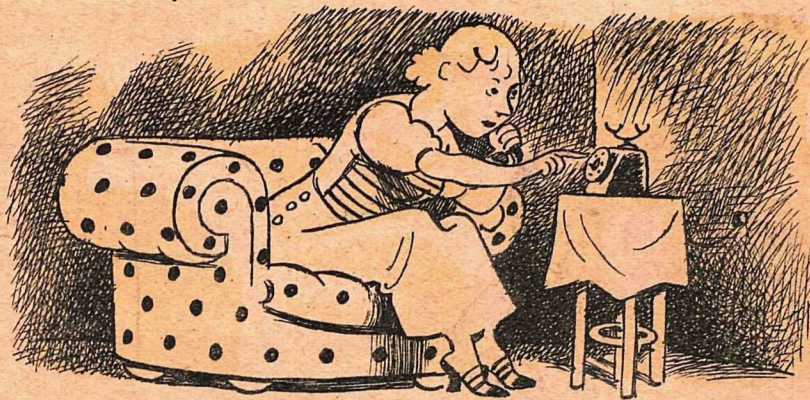
«Что касается вина, то они пили воду...»

О Семенко можно сказать:

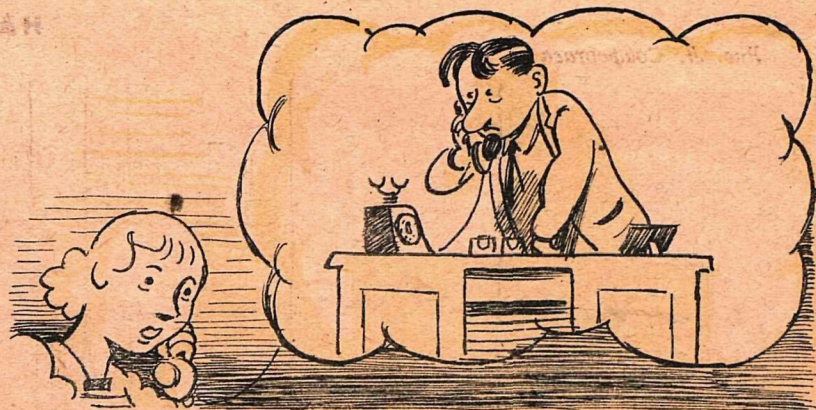
— Что касается комнаты, то он бегаёт из одной канцелярии в другую...

Вот это, товарищи, и называется жилищным делом!

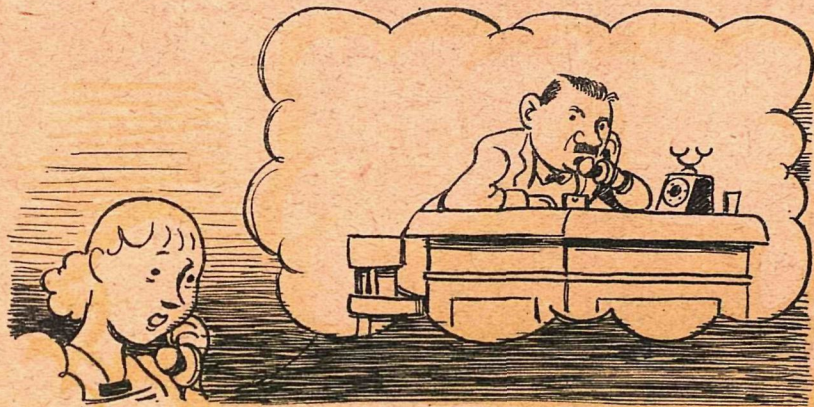
Г. РЫКЛИН

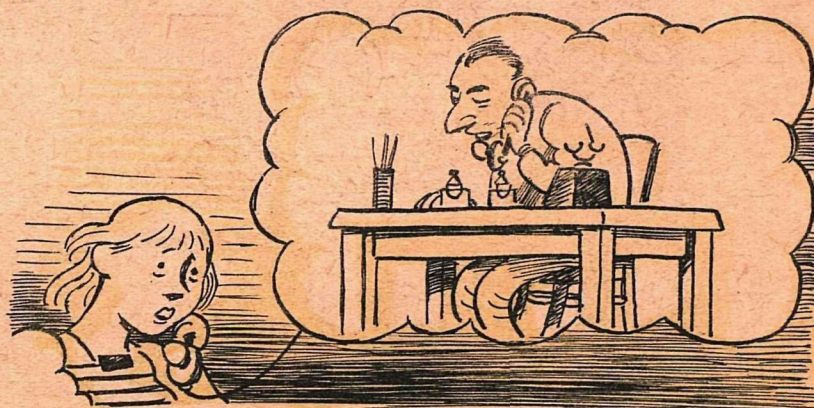
— Где разыскать мне Петю? Уверена, что на заводе его нет. Он по обыкновению где-нибудь заседает...

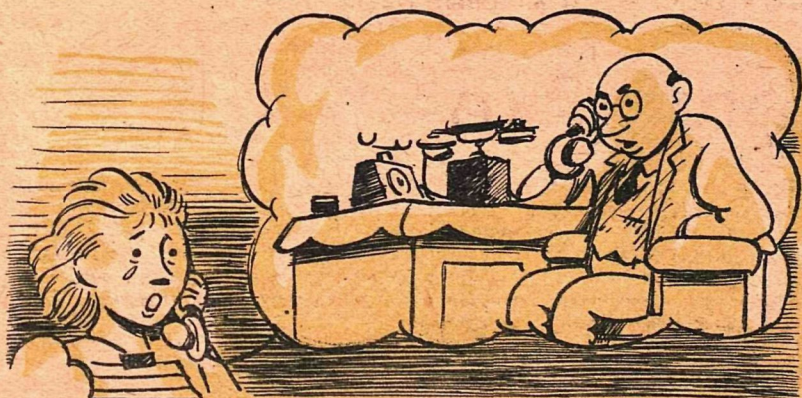
У вас в райкоме нет ли случайно Ростова, директора механического завода? Нет? Извините...

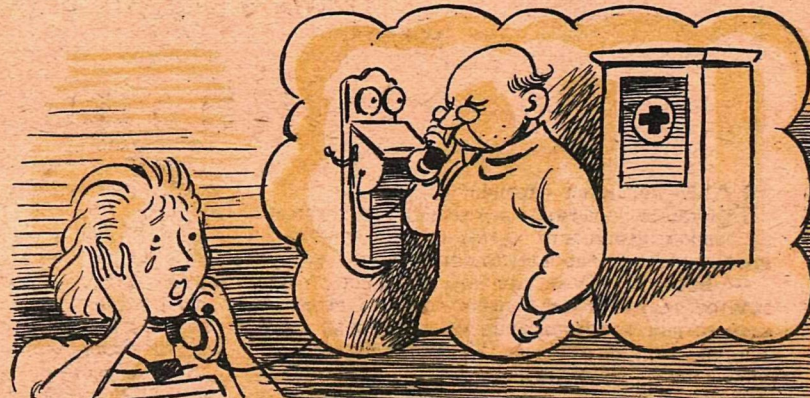
— Скажите, в горсовет не заезжал Ростов с механического?..

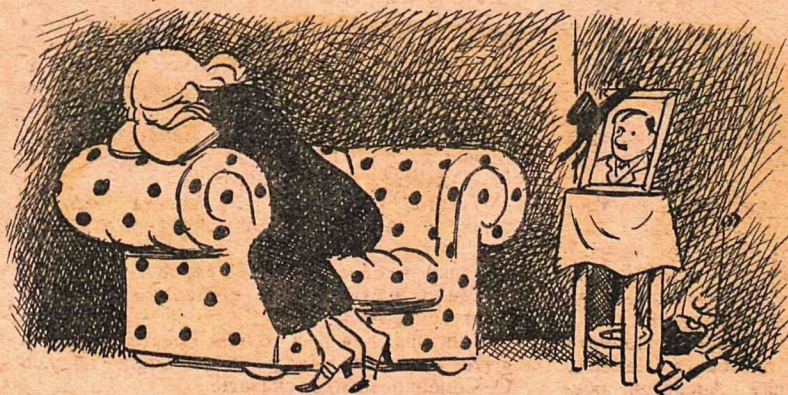
— Звонит жена Ростова. Это обком союза? Нет ли у вас моего мужа?

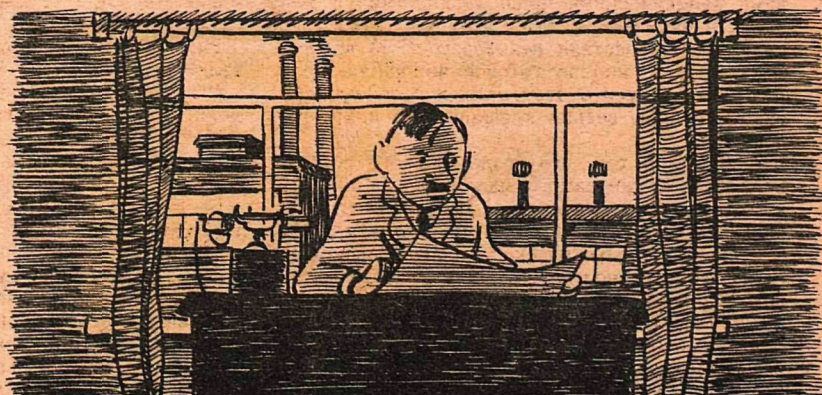
— Алло, алло, трест? Ростов был у вас сегодня? Нет! Какой ужас!..

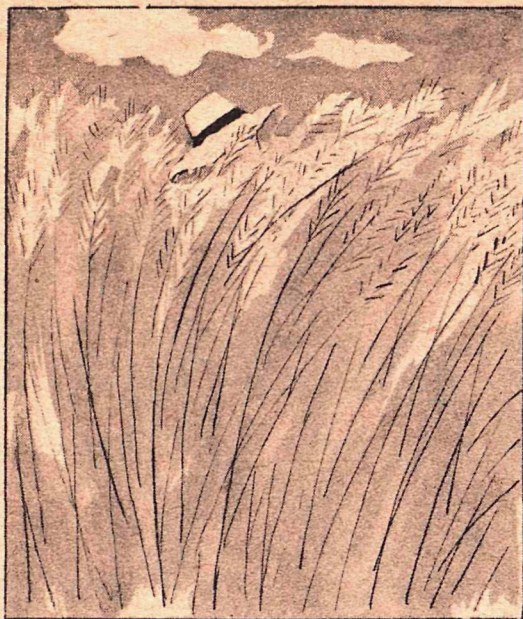
— Приемный покой? Скажите, пожалуйста, не зарегистрирован ли у вас несчастный случай с моим мужем Ростовым?..

— Нигде, нигде его нет!.. О, я несчастная!.. Что делать?..

И не догадалась бедная женщина позвонить своему мужу на завод, где по совершенной случайности он находился с самого утра и ни на какое заседание не был вызван.

Отлично.

Хорошо.

Плохо.

Небо и земля

ПОКА вы в самолете, так сказать, «на небе», все замечательно: удобные кресла, занавесочки на окошках, коврик под ногами, вентиляция, термос с горячим чаем. На случай «укачивания» лекарства разные в изящном ящичке. Чтоб вам мотор дремать не мешал, специальная вата уши затыкать. А пилот и бортмеханик ласковые, внимательные, предупредительные. И легите вы окруженный лаской и заботой со скоростью двести километров в час, смотрите в окошко, блаженно улыбаясь и восхищаясь «сервисом» Гражданского аэрофлота, «сервисом», который на любой высоте — на «большой высоте».

Это все «на небе». А на земле? Приходите вы в городское агентство Аэрофлота покупать билет.

— Ваша фамилия и адрес? — сухо спрашивает кассирша.

— А зачем вам моя фамилия и адрес?

— На случай аварии. Надо же знать, кто летел! — еще суше отвечает кассирша.

Вам делается как-то не по себе. Особенно неприятно это слово «летел». Дрожанием голосом вы называете свою фамилию и адрес.

— А вещи я могу с собой взять?

— Сколько угодно. Пять килограммов бесплатно, остальные платные. Вылет в 6.30 утра. Автобус от агентства в порт отходит ровно в 5. Не опаздывайте.

В 4 часа утра, отчаявшись вызвать такси и не имея никаких средств передвижения, кроме своих ног, вы с двумя чемоданами выходите из дому. Агентство находится в противоположной стороне города. Через несколько минут под влиянием все увеличивающейся тяжести ваших чемоданов вам приходит в голову такая наивная мысль: а почему бы Аэрофлоту не иметь несколько легковых машин и не заезжать за каждым из пассажиров? От этой мысли дорога начинает казаться длинней и скучней.

Ровно в 5 вы подходите к агентству. Агентство закрыто, автобуса нет. Вы садитесь на чемоданы и ждете. Вместе с остальными пассажирами вы пытаетесь расшифровать непонятную для вас фразу: «Автобус отходит ровно в 5».

Ровно в половине шестого открывается агентство и подходит маленький автобус. Вид у этого автобуса такой, как будто он только что вернулся из безостановочного пробега по Каракумской пустыне. В ту же минуту он заполняется служащими Аэрофлота, едущими в порт на работу. Ни вам с вашими чемоданами, ни остальным пассажирам мест не остается. Начинается перебранка между шофером и занявшими автобус. Шофер оперирует доводом, что «пассажирам надо же улететь», занявшие автобус отбиваются тем, что им надо

на работу. Через 10 минут с помощью вышедшего на подмогу заведующего агентством шофер побеждает и вы начинаете усаживаться. Автобус вмещает либо одних пассажиров, без чемоданов, либо одни чемоданы, без пассажиров. Наконец, вталкиваются и те и другие.

Как только автобус трогается, вам делается совершенно ясно, что не только до порта, до которого 15 километров, но даже до первого поворота он не доедет. Вам опять приходит в голову мысль: почему у Аэрофлота, имеющего в очень большом количестве замечательные самолеты, такая бедность в отношении их младших братьев — обыкновенных земных автомобилей? Упавший откуда-то сверху на вашу голову чемодан убивает эту мысль и рождает другую: о боковом месте в жестком бесплакартном вагоне в товаро-пассажирском поезде, идущем в тот город, куда вы собрались лететь.

Примерно через час автобус, показав вместе с вами чудеса выносливости, приходит в порт.

Пока взвешивают ваши чемоданы, вы, вспомнив, что еще не пили чаю, отправляетесь в буфет. В буфете чаю нет. Есть пиво. Нарзану тоже нет. Есть портвейн. Ваше раздумье, какому из этих напитков отдать предпочтение, прерывает всежавший дежурный:

— Скорей, скорей! Задерживаете вылет! — кричит он и бежит по аэродрому к самолету. Задыхаясь, вы бежите за ним.

Около самолета стоят пассажиры и чемоданы. Оказывается, пилот не хочет брать чемоданов, так как самолет перегружен.

— Мы вам перебросим их на грузовом самолете к концу дня, — говорит дежурный. — Давайте садиться!

— Нам нужны чемоданы с собой, — возражаете вы вместе с остальными пассажирами. — Мы же спрашивали об этом в агентстве, и нам сказали...

— Мы порт и за агентство не отвечаем, — отвечает дежурный так, как ответил бы Монтеки, если б у него спросили о здоровье Капулетти. — Давайте садиться!

Вы все решительно отказываетесь лететь без чемоданов.

— Хорошо! Тогда чемоданы пойдут, а вас мы перебросим на другом самолете к концу дня.

От этого предложения вы также решительно отказываетесь. Начинается очень сложный «конвейерный» спор. Пилот сердито смотрит на часы и ругает дежурного, дежурный сердито смотрит на пассажиров и ругает агентство. Пассажиры сердито смотрят на чемоданы и ругают себя, а чемоданы... чемоданы стоят!

Тогда дежурный предлагает одному из пассажиров (любому на выбор!) остаться. Желающего не находится. Пилот заявляет, что через 5 минут, точно по расписанию, самолет невзирая на лица и чемоданы улетит. Подходит начальник порта и уверяет, что чемоданы будут в полном порядке и на скоростном самолете придут на место раньше пассажиров. Пассажиры соглашаются.

Ровно в 6.45, с опозданием всего на 15 минут, самолет отрывается от земли, и, пока он набирает высоту, вы видите, как внизу, среди большого зеленого аэродрома, одиноко стоят чемоданы. Вам делается грустно. Вы разворачиваете багажную квитанцию и читаете: «За содержимое багажа Аэрофлот не отвечает». Вам делается опять грустно...

Вы «на небе»! Пилот, еще недавно такой «сердитый», поворачивает голову и ласково вам улыбается. Бортмеханик помогает вам удобнее устроиться в кресле. В уютной и комфортабельной кабине самолета вы чувствуете столько внимания и заботы, что все земные «неудобства» и «неувязки» улетучиваются, как дымок на сильном ветре. И вы начинаете испытывать блаженное состояние, которое кончается, как только колеса самолета ударяются о аэродром. Вы на земле!

Ваши чемоданы не только не пришли раньше вас, как вам было обещано, а после нескольких радиogramм в порт, откуда вы прилетели, выясняется, что они придут значительно позже вас. Вам предлагают ехать в город и к концу дня зайти за чемоданами в агентство. Пока вы ждете автобуса, вы идете в буфет. Опять чаю нет, а есть пиво. Через час приходит автобус. Опять маленький и старенький. Опять перебранка со служащими, занявшими все места. Опять 15 километров в тесноте и в давке. В городе вы не можете переодеться, взять нужные вам вещи, пойти, куда вам надо. Вы уныло сидите в номере гостиницы и каждые полчаса звоните в агентство, спрашивая, пришли ли ваши чемоданы. Их все еще нет. На ваши жалобы заведующий агентством, как Капулетти на вопрос о здоровье Монтеки, отвечает: «Мы агентство и за порт не отвечаем».

В 6 часов вечера чемоданы приходят. Пока их привезли из агентства в гостиницу, стало уже 7. Вы подсчитываете: вышли вы из дому в 4 утра, а кончилось ваше путешествие в 7 часов вечера, так как, пока вы ожидали чемоданы, вы, в сущности, были еще в пути. Итого 15 часов, из коих вы были в полете только 2.

Тринадцать часов «усушки» и «утряски». Немного ли?

ЯКОВ РУДИН

НЕ ТОТ ЗВЕРЬ

Рис. К. Рогова

- Эта кошка хорошо оберегает хлеб от мышей.
- Но хлеб еще надо сберечь от дождя, хищений, вредных жучков...
- Вы слишком много требуете от кошки.

СКРЕЖЕТ И ТРЕСК

Значит, вы берете в руки машинку и ритмически нажимаете на подвижной рычаг. Раздается характерный скрежет — и вот вы уже избавлены от необходимости пользоваться расческой. Так представляют себе технологический процесс стрижки волос авторы «Правил о пользовании машинкой для стрижки», изготовляемой заводом № 5 Мосштампа. Так думал и гражданин Р., доверчиво приобретший подобную машинку в 1937 году. Но все вышло иначе.

Когда гражданин Р. в десятый раз взял в руки великолепное детище Мосштампа, раздался характерный скрежет и от машинки отломился так называемый неподвижный рычаг.

В 1938 году неунывающий гражданин опять приобрел у неунывающего Мосштампа такую же машинку. Опять десять или двенадцать раз уши гражданина Р. тешил обещанный характерный скрежет. Но на тринадцатый раз характерный скрежет сменился характерным треском и неподвижный рычаг снова легко отвалился от машинки.

Таким образом, победа в этом редкостном соревновании на выдержку с полным правом может быть присуждена руководителям завода № 5 Мосштампа, которые спойкойно, из году в год, выпускают бракованную продукцию.

ЛОВКОСТЬ РУК

Наднях в одном из клубов Москвы состоялось выступление известного фокусника-иллюзиониста Н., проходившее с большим успехом. Во время демонстрации сложного номера безболезненных укулов тела обыкновенной булавкой из публики поднялся неизвестный гражданин, заявивший, что он готов тут же, на глазах у присутствующих, повторить этот номер.

При общем напряжении зрительного зала неизвестный начал колотить свое тело булавками, вызвав бурю аплодисментов.

Неизвестный, оказавшийся директором Ленинского райпромтреста (г. Москва) Мироновым, объяснил, что этот номер может проделывать любой гражданин, так как булавки, производимые Ленинским райпромтрестом, абсолютно тупы и безопасны.

ВЕСЫ ПРОВЕРЕНЫ

В городе Артемовске, в магазине «Союзлаборреактив», продаются детские весы.

За качество весов покупатель может быть вполне спокоен.

Фирма, продающая весы, вполне солидная. Одно название — «Союзлаборреактив» — чего стоит!

Фирма, изготовляющая весы, внушает уважение. Это киевский завод «Медапаратура».

Цена за весы тоже внушительная — 320 рублей 65 копеек.

На весах клеймо, уничтожающее все возможные сомнения: «Весы проверены киевской инспекцией мер и весов».

Следовательно, смело покупайте весы и... срочно возвращайте их обратно по месту покупки. Потому что все сказанное выше соответст-

вует действительности и требует лишь незначительной поправки: сами пользоваться нельзя.

Киевский завод «Медапаратура» выпускает негодные весы.

Киевская инспекция мер и весов помогает заводу выпускать негодные весы.

Артемовский магазин «Союзлаборреактив» помогает сбывать негодные весы.

Вот и вся эта маленькая поправка.

Одно только вполне вероятно: что положенная на одну чашу этих весов наша маленькая поправка перетянет другую чашу, на которую будут положены все положительные отзывы о заводе «Медапаратура», о киевской инспекции, об артемовском магазине «Союзлаборреактив».

ВНИМАНИЮ КУРИЛЬЩИКОВ

(Советы врача)

В течение ряда лет наблюдая за курильщиками, я как врач рекомендую папиросы «Норд», «Звезда», «Советские субтропики», «№ 3», «Ракета», «Салют», «Самолет», «Новая марка», «Дели» (цена 35 и 65 копеек за пачку) производства московских, ленинградских и тбилисских фабрик Главтабака. Эти папиросы изготовляются из высших сортов пыли, веревки, волос, бумаги и прочего утильсырья с минимальным прибавлением табаку, что полностью гарантирует организм курящих от отравления никотином.

Врач Т. ЛАВРОВ

СБОРНАЯ СОРОЧКА

Все знают, как готовится сборная солянка. Немного зелени, мяса, рыбы, сосисок и каких-нибудь других специй — и вот блюдо готово.

Должно быть, по этому же испытанному в кулинарии способу комплектуют мужские сорочки на фабрике № 16 «Красная швея» (Москва). Воротник большого размера, рубашка маленького — и вот сборная солянка, то бишь сорочка, готова.

Рукава сорочки 37-го размера, купленной студентом Академии Наркомпищепрома Н. Гостевым, едва закрыли ему локти, зато воротник оказался как раз в пору на соседний фонарный столб.

Очевидно, на «Красной швее» никак не поймут, что кулинария и швейная промышленность — области несколько разные. И что такая бельевая стряпня имеет очень дурной привкус.

СТРАШНАЯ ФАНЕРА

Ученик 9-го класса одной из смоленских школ Искандер мечтал по окончании учебного года починить свою байдарку и летние каникулы провести главным образом на воде. Ремонт был пустяковый. Одно листа фанеры хватило бы. И в магазине строительных материалов был приобретен 1 лист фанеры изделия Смоленской фанерной фабрики. Все как будто было в порядке. Но бедный Искандер не подозревал, какую страшную вещь он покупает. Фанера, мягко выражаясь, пахла.

Она была склеена какой-то гадостью с запахом в 300 лошадиных сил. Способности склеивать у этого «клея» не было от рождения. Фанера ломалась, крошилась, а от первой капли воды взбухла, как от флюса.

Нам хотелось бы выяснить, чем клеится смоленская фанера и почему на Смоленской фабрике с ней дело не клеится.

ДОРОГА КАК ПАМЯТЬ

Инженер Варшавский из Ленинграда прислал бритвенное лезвие ленинградской артели «Бритпром» с таким отзывом: «Я побрился этим ножом один раз, а помнить буду 2 года».

Следовательно, продукция артели может служить не для бритья, а как незаменимое средство для укрепления памяти.

КТО ИЗОБРЕЛ ФОТО!

Все врут энциклопедические словари! Не верьте им, что фотографию изобрели Ньенс и Дагерр в 1839 году.

Отныне доподлинно установлено, что фото было известно еще древним кривичам. Заведующий Калининским областным отделением ТАСС И. Апель и редактор вестника А. Певзнер подтверждают это документально. В информационном вестнике от 27 июня Калининский облТАСС сообщает:

«На месте нынешнего города Торопца был в древности расположен гор. Кривит, населенный славянским племенем кривичей с хорошо развитой культурой... Археологической экспедицией найдены различные планы, чертежи, карты, экспонаты и фото...»

Если верить этому сенсационному сообщению Апель и Певзнера, необходимо срочно внести поправки во все энциклопедические словари. Но это — дело чрезвычайно сложное, кропотливое. А потому сногсшибательное открытие Калининского облТАСС публикуется в настоящем отделе «ОТК».

ЗАПЯТНАННАЯ РЕПУТАЦИЯ

Несомненно, что скоросшиватели — весьма безобидная и нужная в канцелярском обиходе вещь. Но только не те из них, что выпускает артель «Стандарт» Мособлпечать-союза.

Скоросшиватели, изготовляемые этой малопочтенной фирмой, никак не назовешь безобидными. Их просто нельзя взять в руки, не надев перчаток и не приняв других мер предосторожности. Нет, они не колются. В «Стандарте» еще не додумались посыпать картон битым стеклом. Просто пакки выкрашены скверной ядовито-лиловой краской, такой краской, которая оставляет плохо смываемые пятна на коже и одежде всех потребителей продукции «Стандарта» и на репутации работников этой славной артели.

Рис. Л. Генца

— На вашей фабричной марке написано: „Дадим потребителю доброкачественную ткань“, а между тем этот материал с браком.

— Ну и правильно. Ведь написано „дадим“ а не даем.

Бумаги на подпись

Рассказывают об одном ученом, который всю свою жизнь посвятил глубокому исследованию истории слова «бельмес». Труд получился многотомный и обстоятельный, но написан он был столь заумным языком, что читатели спотыкались на первой же странице:

— Ни бельмеса непонятно!

И дальше никто этого почтенного труда не читал.

В положении этого ученого очутились некоторые граждане, безмерно влюбленные в высокий «стиль» и размахистый рошчерк.

Читаешь их литературные произведения и... ни бельмеса не понимаешь.

МИКРОБЫ, КАК ОНИ ЕСТЬ

Газета Кагальницкого района, Ростовской области, «Колхозный ударник» переслала Хомутовскому сельпо заметку селькора о т.ч., что в магазине сельпо питьевой бак загрязнен и вода заражена микробами. От председателя сельпо Склифуса последовал ответ:

«На ваше письмо от 15/VI 39 г. № 0468-а о заметке «В воде микробы» в маг № 1 факты подтвердились сейчас мелких микроб нет есть большие но мы их ловим марлей и удим на марлю, меры приняты...»

Председельо СКЛИФУС.

ДИСЦИПЛИНИРОВАННАЯ САРАНЧА

Управляющий трестом пригородных хозяйств Сталинской области Дзюба разослал директорам совхозов директивные указания:

«Согласно постановления Президиума Сталинского Облсолькома в ряде районов области появился в массовом количестве вредитель с.х. культур — саранча...»

ЧЕСТНЫЙ ДАРЧУК

В областную прокуратуру Харьковской области от завода Пластмасс поступило следующее отношение:

«Завод «Харпластмасс» вырабатывает разные изделия ширпотреба

(гребни, расчески, пуговицы и т. д.), которые легко поддаются хищению и могут быть незаметны при выносе через проходную завода.

Просим Вас санкционировать перрриодический обыск всех трудящихся завода, как профилактическую меру, поскольку завод располагает фактами хищения изделий.

Директор завода ДАРЧУК

Нач. спецотдела СИТНИЦКИЙ.

Только два честных работника нашлось на всем заводе!..

Нечего и говорить, что прокуратура не санкционировала «обыска всех трудящихся завода» и переслала отношение Дарчука в Крокодиль. Мы охотно воспользовались этой любезностью и опубликовали отношение Дарчука и Ситницкого «как профилактическую меру».

ПРИВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Оказывается, в Ярославском обкоме профсоюза финансово-банковских работников сидят люди, твердо верящие в загробную жизнь. По крайней мере, 16 мая обком союза

сообщил Ивановскому управлению санаториями, что

«по путевке № 46976 срок с 8 апреля по 22 мая 1939 года был направлен наш член союза тов. Б., Иван Семенович.

По случаю его смерти тов. Б. полностью отбыл срок указанный в путевке, возвратился из санатория «Плес» 5 мая 1939 года, т. е. раньше на 17 дней...»

Председатель обкома

ЗАХАРОВ

Бухгалтер ДУМЧЕНКО.

ХРАМЦОВ И НОС

Храмцов — начальник Горьковской конторы греста Нефтьестрой.

Горьковскому нефтегазовому заводу зачем-то понадобился баланс конторы Нефтьестрой. Написали Храмцову. Храмцов не заставил себя долго ждать и в тот же день наложил резолюцию:

«Отослать ОКС'у.

Не суйте свой нос куда не следует.

ХРАМЦОВ».

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Почтовый ящик

Дорогой Крокодил! Скажи, пожалуйста, что такое детский резиновый мячик? Ты скажешь: игрушка. А директор курортного управления города Старой Руссы тов. Лохов скажет: «Ничего подобного. Резиновый мяч есть ужасная вещь, хуже бомбы или кинжала. Мы это опасное холодное оружие не только в курортном парке не держим, но и всякого ребенка, принесшего резиновый мячик, беспощадно удаляем из парка.»

Удивительно ли, что дети, напуганные строгим дядей Лоховым и его ретивыми сотрудниками, предпочитают в парк не ходить, а проводить время у местной речки, в которой «отцами» курортного городка приготовлено для детей много развлечений в виде грязи, битого стекла и ржавых консервных банок.

Н. ИВАНОВА

Старая Русса.

Дорогой Крокодил!

Если кто-нибудь запустит руку в твой карман, а потом объяснит свой поступок желанием наладить обмен опытом, сочтешь ли ты это объяснение удовлетворительным?

Редактор нерехтской газеты (Ярославская область) тов. Захарьев и

его заместитель тов. Смирнов до сих пор мучаются над этой трудной проблемой.

22 января этого года Смирнов старательно списал четыре больших абзаца из статьи В. Королева, помещенной в «Приволжской правде» 18 января. «Приволжскую правду» в Нерехте получают «в порядке обмена опытом». Видать, чужой опыт до того пленял Смирнова, что, кроме названных абзацев, он выкрал еще и заголовок «Счетчик идет по маршруту».

Следующей жертвой стала газета «Родниковский рабочий». Здесь краже со взломом подвергся маленький фельетон «Посетитель нервничает». То, что 12 июля в Родниках написал Сем. Володун, 16 июня напечатали в Нерехте за подписью Н. Виноградова. Фельетон украли на корню: вместе с заголовком и знаками препинания.

Ах, как хорошо было бы внушить тт. Захарьеву и Смирнову, что меняться опытом — не значит тащить все, что плохо лежит!

В. НАДЕЖИН,
П. ДЕЛАКОВ,

сотрудники газеты «Приволжская правда»

Город Кинешма,
Ивановской области.

Уважаемый Крокодил!

Вот пропагандист, рекомендуемый нами вниманию ВЦСПС, отличный пропагандист, который может с успехом внедрять идею профсоюзного движения в массы. Это Варвара Андреевна Степинская, председатель районного отделения союза финансово-банковских работников в Мустаевском районе, Чкаловской области.

Почтенная Варвара Андреевна, борясь за вхождение в профсоюз всех решительно трудящихся на вверенном ей участке, придумала отличный метод уговорить людей стать членами профсоюза: к 1 Мая Варвара Андреевна распорядилась не давать конфет детям работников, которые еще не состоят в профсоюзе.

Не правда ли, остроумно? Именно такими средствами скорее всего и привлечешь людей в профсоюз. Bravo Варваре Андреевне и еще bravo Николину Терентию Николаевичу, управляющему Мустаевским отделением Госбанка, который крепко поддержал Варвару Андреевну в ее чутких начинаниях.

Н. БИРЮКОВ

Село Мустаевка,
Чкаловской области.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукопись не возвращается

Москва, Изд. № 723

Сдача текста и рисунков 14/VII 1939 г.

Подписано к печати 20/VII 1939 г.

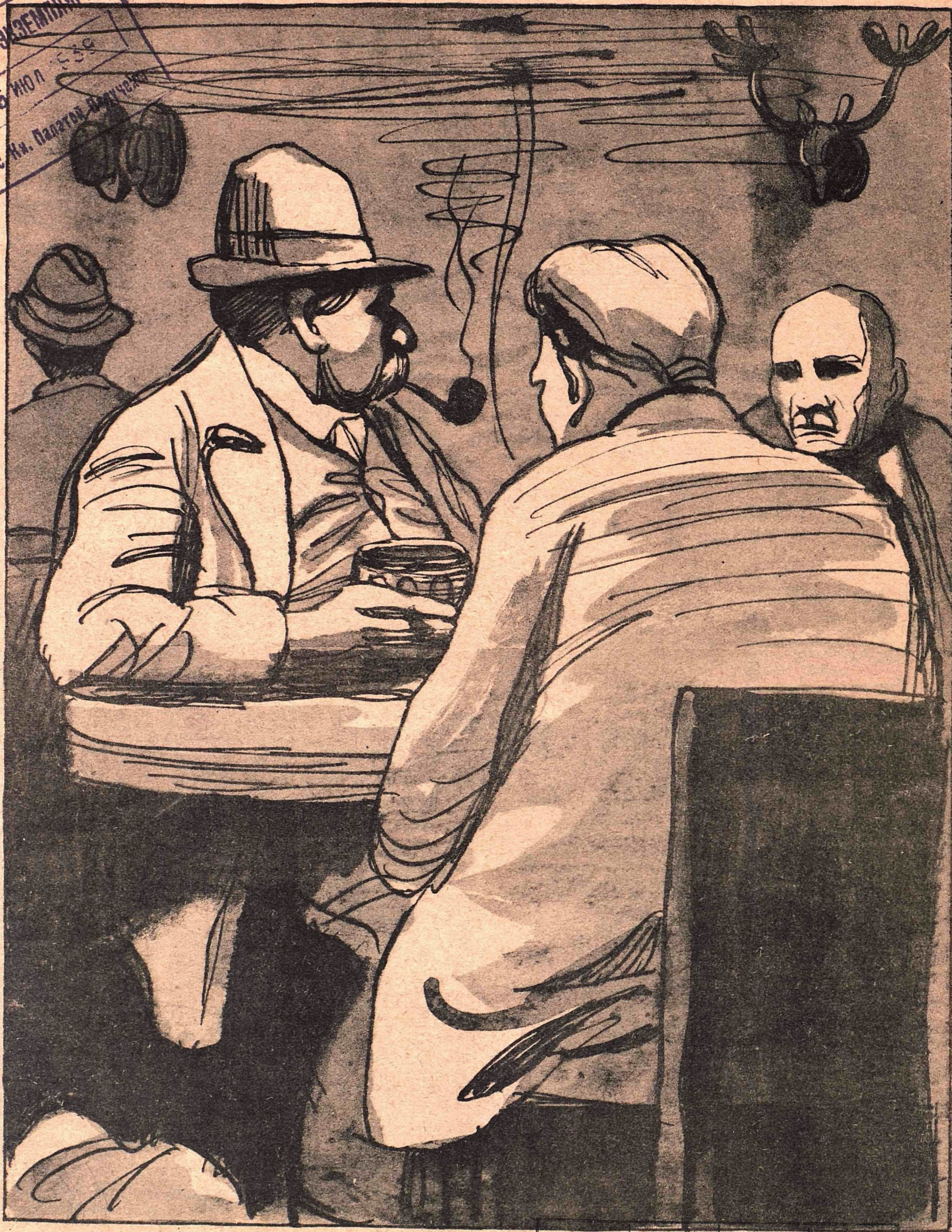
Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—10879. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2365. Тираж 275 000 экз

45
 РИС. Л. БРОДАТЫ
 КОЛЛЕКЦИОН. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
 25 ИЮЛ 1939
 Бесс. Кн. Паратов

9150

— Кайзер говорил: будущее Германии на воде, а фюрер добавил: на воде и хлебе.

	период и серии	„Лет сценарий“	„Г ле
Получ. в ред.	26/VI		
Сдан в архив	26/VI 24/VI	14/III	